

А. И. Солопов

Латинский язык в жизни и творчестве Ломоносова¹

С латинским языком Ломоносов был связан большую часть своей жизни. Как известно, М. В. Ломоносов изучил латинский язык в Славяно-греко-латинской Академии в Москве, куда он был зачислен 15 января 1731 года.² Менее известно то, что полный курс Академии в ту пору составлял 8 классов: эти 8 классов делились на 4 низших класса ("фара", "инфима", "грамматика", "синтаксима"³), два средних ("пиитика" и "риторика") и два высших ("философия" и "богословие"). Классы Славяно-греко-латинской Академии не соответствуют современным университетским курсам, а скорее составляют этапы обучения: в высшем классе, классе богословия, обучение длилось четыре года; в классах философии и риторики — по два года, пиитики и синтаксисы — по одному; правда, разрешалось переходить из низших классов в средние через полгода или треть (т. е. через четыре месяца). Полный курс, таким образом, продолжался минимум 10 лет 4 месяца, но такие случаи были редки: известно, что некоторые оставались в одном классе по десяти лет,⁴ а до высшего класса, класса богословия, из нескольких сотен учащихся доходило обычно от 3 до 10 человек.⁵ Ломоносов прошёл семь классов из восьми за неполные пять лет и был одним из немногих, кто дошёл до богословия, но тут, как в то время нередко случалось, в дело вмешались соображения государственного порядка: новообразованная Петербургская Академия Наук нуждалась в студентах, и в ноябре 1735 года Ломоносов был в числе 12 лучших учеников Славяно-греко-латинской Академии назначен для продолжения образования в Академии Наук.

В Академии Наук Ломоносов пробыл всего восемь месяцев, а в Марбургском университете, куда он попал затем в 1736 г. и где прошла основная часть лет его заграничного ученья, его учитель, знаменитый Христиан Вольф, был известен тем, что читал лекции не на латинском, а на немецком языке (что и было одной из причин его изгнания за несколько лет до того из Галле) и никоим образом не мог служить образцом

¹ Основные положения настоящей статьи были впервые изложены на межкафедральной конференции "М. В. Ломоносов: Актуальные проблемы изучения жизни и творчества", проходившей на филологическом факультете Московского университета 17 ноября 2010 г., а затем развиты в докладе на пленарном заседании Ломоносовских чтений по филологическому факультету университета 21 ноября 2011 г.

² Даты жизни М. В. Ломоносова даны по сводке: Основные даты жизни М. В. Ломоносова, в кн.: Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. Редактор-составитель *Энгель П(етрович) Карпеев*. СПб.: "Наука", 2000 (Российская Академия наук. Музей М. В. Ломоносова), стр. 7-8 (7-10).

³ Для отечественных филологов, думаю, будет небезынтересно узнать, что все эти термины, относящиеся к истории русской педагогики, пропущены не только в известных мне латинских словарях, но и в русских, — поэтому, напр., о месте ударения в некоторых из них можно только гадать.

⁴ "В 1760 г. один синтаксист Московской академии оказался сидевшим в синтаксисе целых 10 лет; Свят(ейший) Синод, узнав об этом, сделал ректору выговор за излишнее снисхождение к такому юноше" (*Прот. П. В. Знаменский*, профессор Казанской духовной академии. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001 (1-е изд.: Казань, 1881), стр. 429, со ссылкой на Смирнова: С. К. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 182).

⁵ М. В. Сычев-Михайлов. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960, стр. 37-51.

латинской речи; ещё меньше оснований думать об Иоганне-Фридрихе Генкеле, у которого Ломоносов 10 месяцев учился во Фрейберге химии и горнорудному делу, как о выдающемся латинисте.⁶ Таким образом, не только начальное, но и окончательное образование в латинском языке Ломоносов получил в Москве, в те неполные пять лет обучения в Славяно-греко-латинской Академии.

Каким образом стало возможно такое ускоренное усвоение знаний — тем более удивительное, что Ломоносов начал обучение довольно поздно, девятнадцати лет? Дело, несомненно, в методике занятий в учебных заведениях, применявшейся в ту эпоху во всех странах Европы, Америки и частично Азии и Африки и через посредство Киево-Могилянской Академии усвоенной и в Славяно-греко-латинской Академии. Эта методика восходила, в конечном счёте, к ордену иезуитов и их "Методическим указаниям", если позволительно перевести так знаменитую *Ratio studiorum*. Эти "Методические указания" выходили тремя изданиями — в 1586, 1591 и 1599 гг., после чего уже не изменялись. Основной принцип обучения известен в афористичной форме как *In scholis non nisi Latine*, т. е. "В школах только по-латыни" и представляет собой сокращённую цитату из тех же "Методических указаний".⁷ Учащимся иезуитских учебных заведений (коллегий, академий и университетов) запрещалось, под страхом наказания (обычно — лишения ужина), говорить не по-латыни, причём не только на занятиях, но и на переменах, и во внеучебное время — кроме праздников и воскресных дней, и то на усмотрение начальства (имелось в виду, что в воскресенье ученика могут навестить родители). Прежде чем употребить хотя бы одно слово на каком-либо из новых языков, учащийся должен был спросить отдельное разрешение (типа *Licetne Germanice loqui?*), а так как ученики и студенты, как правило, проживали в пансионатах, то это значило, что учащиеся иезуитских учебных заведений несколько лет подряд говорили по-латыни почти круглые сутки. Неудивительно, что все прошедшие такую школу приобретали основательные познания в латинском языке; фактически все они приучались не только свободно говорить, но и думать по-латыни.

⁶ Ломоносов писал, что во Фрейберге ему пришлось заново (после Марбурга) изучить *немецкий язык*; о латинском в этой связи он не вспоминал.

⁷ Полностью это правило звучит так: *In scholis, quae huius rei capaces censentur, non nisi latine loqui doctores oporteret; animadvertere etiam in auditores, si vernacula lingua utantur, data notula sive catenula; cuius ad finem scholae ratio exigatur tam antemeridianis quam postmeridianis scholis. In sermone quoque domestico nostrorum inter se incumbendum sedulo esset in restituendo retinendoque usu linguae latinae, quem tantopere commendant Constitutiones, et quo indigent admodum ministeria Societatis et nationum communio. Instituendi viderentur eius rei censores et poenitentiae, ut earum frequentia prope quotidiana nostros in officio contineat, eosque non solum a sermone vulgari avocet, sed a barbara quoque latinitate, quam affectare videntur interdum. Hora etiam recreationis latini sermonis habeatur ratio, prout superiores praescripserint, cum nihil in commune possit ea de re decerni. Nam, festis et vacationibus exceptis, praeterea nunquam, ne hora quidem recreationis, a latino sermone videntur eximendi, qui degunt in collegiis transalpinis propter commercium nationum dissimilium, et ut maxime recedant ab aliquot haereticis, qui linguam etiam latinam student nunc abolere ad praecedendam omnem cum catholicis societatem. In caeteris provinciis hoc iugum vix tolerabile videtur propter difficultatem latine loquendi; ut hora recreationis plena videatur moeroris et tristitiae; cum praesertim non minus egeant linguae patriae peritia pro concionibus, pro confessionibus, pro literis, pro communi vitae consuetudine. Idem de seminariis convictorum. (Monumenta paedagogica Societatis Iesu. Nova editio penitus retractata. Edidit Ladislaus Lukács S. I. [Volumen] V. Ratio atque institutio studiorum Societatis Iesu (1586 1591 1599). Romae: Institutum historicum Societatis Iesu. Via dei Penitenzieri 20, 1986 (Monumenta historica Societatis Iesu a Patribus eiusdem Societatis edita. Volumen 129); Ratio Studiorum 1586, De studiis humanitatis, 7 (pp. 131-132)).*

В эту эпоху существовало, конечно, множество учебных заведений разного уровня, принадлежавших не иезуитам и вообще не католикам, а представителям различных ветвей протестантизма (кальвинистам, янсенистам, лютеранам), но именно иезуиты в силу своей организованности и массовости задали такой образовательный стандарт, что в условиях жёсткой конкуренции успех этих не иезуитских заведений мог обеспечиваться только таким же уровнем знаний в латинском языке — или ещё более высоким; на практике это означало, что они были вынуждены тоже вести все занятия по-латыни. Точно так же дело обстояло и в православных странах: как известно, первое православное высшее учебное заведение, Киево-Могилянская Академия, возникла как средство противодействия католическому прозелитизму в находившихся под польским влиянием украинских и белорусских землях; особая роль здесь принадлежит Петру (Могиле), митрополиту Киевскому и Галицкому, основавшему в 1631 г. славяно-греко-латинскую школу при Киево-Печерской лавре, на основе которой в 1633 г. появилась Киевская коллегия, в 1701 г. ставшая академией. В ней языком преподавания тоже стал латинский.

В Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1685 г., вначале была совершена попытка пойти особым путём и сделать основным языком преподавания греческий, но после указа Петра Великого от 7 июня 1701 года ("завесть в Академии учения латинския"), когда братьев Лихудов во главе Академии сменил Стефан Яворский, всё быстро стало на свои места, и языком преподавания, как и везде в Европе, стал латинский. "На нем не только велись все учебные занятия и писались сочинения, но ученикам вменялось в обязанность и "непрерывное употребление между собою разговоров латинских"".⁸ Идеологическая подоплёка обращения к латинскому языку в эпоху Петра отчасти раскрывается в известном определении Фёдора Поликарпова, данном в предисловии к его "Лексикону" (1704 г.): "Греческий язык есть язык премудрости. Латинский язык есть язык единоначальствия".

Конечно, как и везде, появились свои местные особенности в применении иезуитской методики. В частности, способ отметить провинившегося, называемый у иезуитов *potula* или *catenula*, в русских землях приобрёл наименование *calculus*; иное название, возможно, обозначает при этом некоторые оттенки применения.

Историк русских духовных учебных заведений протоиерей М. З. Линчевский пишет: «Калькулюс — выдумка иезуитской педагогики, заимствованная нашей [Киевской] Академией, имел назначение заставить учеников волею или неволею изучить в совершенстве латинский язык, для чего положено было школьным уставом каждому ученику говорить по-латыни как в классе, так и вне класса. Ученику, начиная с класса Грамматики, говорившему не по-латыни или сказавшему какую-нибудь фразу хотя и по-латыни, но против грамматики, или же произнесшему наконец какое-либо неприличное слово, такому ученику вешали на шею калькулюс. Провинившийся, заметив ту же или другую неисправность в своем товарище, имел право передавать калькулюс сему последнему. У какого ученика переночевал калькулюс, того наказывали».⁹ Из этого реального комментария становится ясно, для чего служил *calculus*, но так и остаётся непонятным, что это такое. Разъяснение даёт другой автор, Виктор Ипатьевич

⁸ Боровский (см. ниже), стр. 318.

⁹ М. Линчевский. Педагогика древних братских школ и преимущественно древней Киевской академии. // Труды Киевской духовной академии, 1870, август, стр. 462.

Аскоченский (1813–1879), который пишет, что калькулюсом назывался «узенький, столпцеватый бумажный сверток, вложенный в небольшой футляр».¹⁰ По совершенно справедливому предположению Григория Александровича Воскресенского (1849–1918), калькулюс был, по-видимому, в ходу и в Московской Академии, где почти весь педагогический персонал состоял из бывших воспитанников Киевской Академии.¹¹ О широком употреблении калькулюса в духовных школах России говорит Пётр Васильевич Знаменский.¹² Интересно, что ни в одном известном мне словаре латинского языка (в частности, у Говена,¹³ Нийрмейера - ван де Кийфта,¹⁴ Лэтама¹⁵ и Лэтама-Гаулетта¹⁶) такого значения у слова *calculus* не засвидетельствовано.

Похоже, что наказания калькулюсом не избежал и Ломоносов. Считается, что первое дошедшее до нас стихотворение Ломоносова было написано им в Славяно-греко-латинской Академии (предположительно в 1732-1734 гг.) именно в виде наказания за подобное нарушение ("Услышали мухи медовые духи, прилетѣвши съѣли, въ радости запѣли. Егда стали ясти, попали въ напасти, увязли по ноги. Ахъ, плачуть убоги: меду полизали, а сами пропали").¹⁷ Только так становится понятным невразумительное объяснение, предшествующее этому стихотворению в первой публикации Озерецковского: «Сочинение г. Ломоносова в Московской академии за учиненный им школьный проступок. *Calculus dictus*».¹⁸ Авторы примечаний к академическому изданию Ломоносова¹⁹ делают предположение, что и то заглавие, под которым стихи известны в наше время («Стихи на туюсок»), следует объяснять из той же реалии: "Заглавие «Стихи на

¹⁰ В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем, Академиею, ч. I. Киев, 1856, стр. 144.

¹¹ Годичный акт в Московской духовной академии 1 октября 1890 г. М., 1890, стр. 19.

¹² Знаменский, ук. соч., стр. 427, 722.

¹³ *Hoven, René*. Lexique de la prose latine de la Renaissance — Dictionary of Renaissance Latin from prose sources. II éd. revue et considérablement augmentée — II, revised, and significantly expanded edition. Avec la collaboration de — Assisted by — *Laurent Grailet*. Traduction anglaise par — English translation by — Coen Maas. Revue par — Revised by — Karin Renard-Jadoul. Leiden; Boston, 2006.

¹⁴ *J(an) F(rederik) Niermeyer et C. van de Kieft*. Mediae Latinitatis lexicon minus = Lexique latin médiéval — Medieval Latin Dictionary — Mittellateinisches Wörterbuch. Édition remaniée par — revised by — überarbeitet von *J(ohannes) W. J. Burgers*. [Deutsche Übersetzung von S(onya) Dase. Traduction française par A. Smets]. Vol. I–II. Leiden; Boston; [Darmstadt], 2002.

¹⁵ *Latham, R(onald) E(dward)*. Revised Medieval Latin Word-List from British and Irish sources. London: Published for the British Academy by the Oxford University Press, [1965] (= [1975]). Supplement 1980.

¹⁶ Dictionary of medieval Latin from British sources, fasc. I–IX–. Prepared by *David R(ober) Howlett*, M. A., D. Phil., F. S. A. With the assistance of *T(heodore) Christchev*, M. A., and *C(arolinne) White*, M. A., D. Phil. Under the direction of a Committee appointed by the British Academy. [Members of the Committee: Professor *J(ames) N(oel) Adams*, F. B. A. (Chairman), Dr *P(aul) Brand*, F. B. A., Miss *A. C. Dionisotti*, Dr *L(eofranc) A(drian) Holford-Strevens*, Dr *D(avid) R(ober) Howlett* (Editor), Dr *A. B. Hunt*, F. B. A., Professor *D(avid) R. Langslow*, Professor *M(ichael) Lapidge*, F. B. A., Professor *M(ichael) D. Reeve*, F. B. A., Professor *R(ichard) Sharpe*, F. B. A.]. [Oxford]: Published for The British Academy by Oxford University Press, 1975–[2005]–.

¹⁷ Эти стихи впервые напечатал акад. Н. Я. Озерецковский в посмертной публикации "Путешествий" акад. Ивана Лепёхина (1805 г.). Вторая публикация (с разночтениями): С. К. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 250–251.

¹⁸ Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. В 1772 году. СПб., 1805, стр. 303. Естественно, *calculus dictus* следует понимать в смысле "так называемый *calculus*" (в Примечаниях к академическому изданию перевод неточен).

¹⁹ Блок Г. П., Красоткина Т. А., Боровский Я. М., Кулябко Е. С., Макеева В. Н., Павлова Г. Е., Соколова Н. В., Ченакал В. Л.

туясок» довольно загадочно. Не назван ли в данном случае туяском тот самый «небольшой футляр» для калькулюса, о котором говорит В. Аскоченский?²⁰ Даже если эти стихи и возникли как результат наказания, они были оценены по достоинству - на листке со стихами Ломоносова его учитель, преподаватель поэтики Фёдор²¹ Кветницкий поставил оценку Pulchre ("прекрасно").

Считается, что греческого в Академии в то время (и до 1738 г.) не было,²² однако Ломоносов в какой-то степени научился в Академии и греческому языку: сохранился переписанный Ломоносовым греческий текст²³ известной оды Анакреонта (Θέλω λέγειν Ἀτρείδας, θέλω δὲ Κάδμον ἄδειν) (Anacreontea fr. 23 West), которую он в 1738 г. впервые перевёл на русский язык стихами.²⁴

В 1749 г. недруг Ломоносова Шумахер пишет Теплому: "Фишер говорит, что Ломоносов пишет по-латыни значительно лучше Миллера". Ещё определённое выражается сын (а также - биограф и панегирист) другого недруга Ломоносова, Шлёцера, который, признавая, что ни его отец, ни многие другие не могут состязаться с Ломоносовым в богатстве и изяществе латинской речи, называет его "первым латинистом не в одной только России".²⁵

Почему ещё приходится ныне подробно говорить об обстоятельствах, в которых Ломоносов познакомился с латинским языком, и о его степени владения этим языком? Дело в том, что в отечественном ломоносововедении уже давно, по крайней мере с конца XIX века, утвердилась и господствует упрощённая перспектива, при которой подчёркивается прежде всего роль Ломоносова как создателя русского научного языка и пропагандиста русского языка во всех сферах жизни, а о Ломоносове как латинском писателе, одном из классиков латинской словесности XVIII в., либо не говорится вовсе, либо говорится скороговоркой и почти в извиняющемся тоне, заставляющем вспомнить то пресловутую "классовую ограниченность", то ещё более радикальное объяснение "время было такое". Весьма типично, например, высказывание Петера Гофмана (Peter Hoffmann) в статье "Латинский и немецкий языки Л(омоносова)", помещённой в кратком энциклопедическом словаре "Ломоносов" (СПб., 2000, стр. 89): "Л(омоносов) ... во время обучения в Германии освоил и международный язык новой научной литературы. Л(омоносов) использовал этот язык главным образом в естественнонаучных сочинениях и ученой переписке, поскольку к тому времени научная терминология на русском языке была еще слабо разработана" (курсив мой — А. С.). Если развивать логику автора, Ломоносов, надо полагать, в случае разработанности русской терминологии писал бы только по-русски. Не вполне ясно, впрочем, что бы он делал в учёной переписке: писал бы

²⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 8. 1959. Примечания к № 1 (стр. 864-866), стр. 866, прим. 1.

²¹ В 1733 г. Кветницкий был пострижен в иеромонахи и принял имя Феофилакта.

²² Знаменский, стр. 444.

²³ Факсимиле приложено к статье: Е. Я. Данько. Из неизданных материалов о Ломоносове. // "XVIII век", сб. 2. Л.: Изд. АН СССР, 1940.

²⁴ А. Н. Езунов. Ломоносов - переводчик Гомера. // Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. Под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962, стр. 197-198 (197-218).

²⁵ Chr. v. Schlötzer. August Ludvig von Schlötzers öffentliches und Privatleben, Bd. I, Leipzig, 1828, S. 89; рус. пер. этих слов - М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 9. 1955, Примечания (авторы: А. А. Елисеев, Б.В. Федоренко, В. Л. Ченакал) к № 271, стр. 830.

иностранцам тоже по-русски или прибегнул бы к менее радикальному способу самоутверждения — какому-то из новых языков?

В действительности мы располагаем более чем достаточным числом свидетельств о том, что Ломоносов оценивал роль латинского языка совсем по-другому. Например, в записке "Об избрании П(етра) И(вановича) Рычкова" (от 21 янв. 1759 г.) на имя президента Академии Наук, подписанной Ломоносовым, И. И. Таубертом и Я. Я. Штелином, но переписанной писарем с черновика, принадлежащего исключительно руке Ломоносова, читаем: "А по мнению Канцелярии академической кажется, что для важности и славы Академии Наук без дальнего рассмотрения в оную членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и филозофии не разумеют..."²⁶

Только невниманием к латинскому творчеству Ломоносова можно объяснить тот факт, что литература по его специальному филологическому изучению до сих пор ограничивается всего одной статьёй 1960 года, правда, принадлежащей такому выдающемуся латинисту, как Яков Маркович Боровский.²⁷ Она так и называется — "Латинский язык Ломоносова", и содержит наиболее полное на сегодняшний день освещение вопроса. Можно надеяться, что в какой-то степени лакуна в изучении латинского языка Ломоносова будет в какой-то мере восполнена с выходом "Словаря языка М. В. Ломоносова", издаваемого в Петербурге с 2010 г. (гл. ред. — акад. Н. Н. Казанский); вышло уже 5 выпусков, из которых пятый (2011), кстати, выпущенный в сотрудничестве с кафедрой классической филологии Московского Университета, посвящён минералогии. Этот словарь ставит целью впервые всесторонне показать языковую личность Ломоносова — прежде всего как русского и латинского писателя (третьей стороной языковой личности Ломоносова был немецкий язык, к которому он был вынужден обращаться постоянно, в том числе дома).²⁸

Особенность владения Ломоносовым латинским языком нагляднее всего можно демонстрировать на примере "Похвального слова Елисавете Петровне" (1749 г.). Известно, что вначале Ломоносов написал его по-русски, но через несколько месяцев дал латинский перевод (приведённое письмо Шумахера как раз относится к тому времени, когда Ломоносов работал над латинским переводом, и исполнено злорадной уверенности в том, что тот не успеет в срок). Боровский восхищается в своей статье "блистательно найденными адекватными средствами" (стр. 312) Ломоносова-переводчика, показывая их на следующем предложении:

"Восшед на высоту толика власти, отлучившим ее от законного наследства, согрубившим неистовую гордостью и бессовестным утеснением огорчившим кое мщение наносит?" (VIII, 245-246)²⁹ — *Constitutata in summa rerum omnium potestate in eos, qui patria*

²⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 10. 1957. Документ 402 (стр. 76-77), стр. 77.

²⁷ Я. М. Боровский. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Вып. 4. М.-Л., 1960, стр. 206-218 (перепечатано в кн.: Я. М. Боровский. *Opera philologica*. [Издание подготовили А. К. Гаврилов, В.В. Зельченко и Т. В. Шабуринна.] СПб., 2009, стр. 316-326).

²⁸ Сведения о том, что в семье Ломоносов говорил по-немецки, сохранились в личных бумагах Василия Яковлевича Мировича (1740–1764).

²⁹ Используется общепринятый в наше время способ цитирования Ломоносова по томам и страницам последнего собрания сочинений.

hereditate ipsam excludere, qui nefaria insectatione affligere et impudentissimo fastu contemnere non dubitarunt, quamnam vindictam exercet? (VIII, 264)

Обратим внимание на порядок слов, так называемую латино-немецкую конструкцию, то есть постановку сказуемого в конце предложения, так не нравившуюся Пушкину в ломоносовской прозе: при переводе на латинский почти не приходится изменять синтаксис. Боровский, продолжая анализ перевода "Похвального слова", приходит к наблюдению: "Во многих местах создается впечатление, что перед нами латинский оригинал и русский перевод: мысль Ломоносова уже при выработке первоначального русского варианта отливалась в формы, теснейшим образом связанные с той стилистической школой, которую он прошел на образцах римского красноречия" (стр. 321). Я полагаю, эту мысль можно выразить несколько яснее: *Ломоносов думал по-латыни*, даже в тех случаях, когда ему нужно было написать русский текст.

Кроме того, из известных патриотичных высказываний и поступков Ломоносова было бы неправильно делать тот вывод, что он стремился устранить латинский язык из русской высшей школы. В основанном по его проекту Московском университете первые 13 лет, до 1768 года и известного указа Екатерины II, языком преподавания был исключительно латинский язык (а однажды Конференция Университета — в ту пору высший орган — вынесла поистине золотую резолюцию: "Основная цель основания Московского Университета есть изучение латинского языка"). В январе 1758 г. юный Фонвизин был, в числе нескольких учеников гимназии при Московском университете, представлен в присутствии Ломоносова Ивану Ивановичу Шувалову. В своих воспоминаниях Фонвизин писал: "Шувалов взял меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? "По-латыни", — отвечал я. Тут он начал говорить о пользе латинского языка с великим, надо сказать, красноречием".³⁰

Как человек, получивший классическое образование и смогший в полной мере воспользоваться его плодами, Ломоносов прекрасно понимал, что никакой науки — естественной, точной, гуманитарной, а тем более прогресса в ней или, как сейчас говорят, инноваций в отсутствие знаний классических языков ожидать не следует. Остаётся надеяться, что эта давно известная истина рано или поздно дойдёт до своих адресатов.

³⁰ Д. И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях.